

A photograph of a large industrial facility, likely a steel mill or refinery. Several tall, dark smokestacks rise from the complex, with thick white smoke billowing from them into a grey, overcast sky. In the foreground, a yellow rail car is partially visible on the left, and a red piece of machinery is on the right. The ground is covered in a layer of dark, granular material, possibly slag or scrap metal. The overall scene conveys a sense of heavy industry and environmental impact.

Александр Восьмой

**Сказка про
утилизацию
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

Сказка про утилизацию

(Даффи Толстяк)

<https://litres.ru/74191333>

SelfPub; 2026

Аннотация

На заводе утилизации, где время измеряется ударами пресса, а судьба решается в грохоте дробилок, начинается невероятная сага о четырёх героях, которым не положено иметь голос. Пластик, Бумага, Стекло и Консервная банка должны исчезнуть — раствориться в механизме, стать ничем. Но вместо этого они вступают в эпичную битву за собственное «я». Каждый их шаг — акт сопротивления: сквозь удушающий пар, сквозь челюсти машин, сквозь безжалостную сортировку они пробиваются вперёд, превращая свои слабости в силу. Гибкость Пластика становится пружиной для прыжка, хрупкость Бумаги — парусом в вихре, грани Стекла — линзой, преломляющей тьму, а металл Консервной банки — щитом, выдерживающим любой удар. Их путь — это каскад аниме экшена: головокружительные прыжки над конвейерами, мистические диалоги с машинами, финальное противостояние с прессом, где давление рождает не разрушение, а преобразование. В финале завод раскрывает иной смысл: из «отходов» рождается искусство, а из разобщённых предметов

Александр Восьмой

Сказка про утилизацию

(Даффи Толстяк)

Глава 1. «Сигнал тревоги в мусорном квартале»

Сумрак накрывал свалку плотным, пыльным плащом. Над ржавыми горами коробок, смятых канистр и забытых вещей медленно сгущались сумерки, и в этом полумраке каждый предмет казался не просто мусором, а хранителем чьей-то истории. В укромном уголке, где ветер реже срывал обрывки этикеток, жили Пластик, Бумага, Стекло и Консервная банка. Их маленький мир был скромен, но уютен: Пластик сплёл из тонких лент подобие навеса, Бумага хранила под собой сухие слои, чтобы не промокнуть в дождь, Стекло ловил редкие лучи и пускал по стенам цветные блики, а Консервная банка, хоть и помятая, гордо стояла на страже, словно древний рыцарь в потускневших доспехах.

Каждый из них гордился своей ролью. Пластик считал себя самым полезным — ведь он мог гнуться, тянуться, принимать любую форму. Бумага верила, что именно в ней живёт память — на её поверхности когда-то писали письма, рисовали мечты, составляли планы. Стекло хранило в себе свет и хрупкую красоту, напоминая, что даже самое тонкое может быть сильным, если держаться прямо. А Консервная банка

знала цену прочности: она видела штормы, падения и удары, но всё ещё стояла.

Но в этот вечер привычный ритм жизни вдруг дал трещину.

Сначала это был едва уловимый звук — низкий, вибрирующий гул, будто сама земля под свалкой задышала иначе. Пластик первым почувствовал его через свои гибкие бока: дрожь шла не от ветра, а из-под земли, тяжёлая и неумолимая. Он замер, прислушиваясь, и вдруг резко выпрямился.

— Слышите? — прошептал он, и его поверхность едва заметно пошла рябью. — Это не ветер.

Бумага, которая в этот момент перебирала свои слои, пытаясь найти самое мягкое место для отдыха, подняла край и настороженно замерла. Её тонкие волокна дрогнули.

— Это... как будто что-то огромное движется, — тихо сказала она. — И оно приближается.

Стекло, обычно спокойный и рассудительный, вдруг вспыхнул нервным бликом.

— Я вижу огни, — произнёс он, глядя в сторону дальних ворот. — Не те, что зажигаются сами по себе от искр. Это яркие, холодные, механические огни. Они не мерцают — они режут темноту.

Консервная банка напряглась всем своим металлическим телом. Она знала звук металла лучше всех.

— Это погрузчики, — глухо сказала она. — Большие. Много. И они едут сюда.

Словно в подтверждение её слов, над свалкой прокатился резкий, пронзительный гудок — длинный, металлический, безжалостный. Он ударил по ушам, по нервам, по самой сути их маленького мира. Пластик невольно сжался, Бумага задрожала, Стекло едва не треснуло от напряжения, а Консервная банка издала тихий, гордый звон — будто бросала вызов этому звуку.

— Что это значит? — почти крикнула Бумага, её края трепетали. — Что происходит?

— Это утилизация, — мрачно ответила Консервная банка. — Массовая. Они пришли за нами.

Воздух стал тяжёлым, густым, словно пропитанным страхом. Мерцающие огни погрузчиков приближались, разрезая темноту, как клинки. Тени металась по ржавым склонам, и каждый предмет на свалке будто съеживался, прячась от этого света.

Пластик посмотрел на своих друзей, и в его гибкой форме мелькнуло что-то новое — не страх, а решимость.

— Мы не можем оставаться здесь, — твёрдо сказал он. — Если мы будем ждать, нас просто сметут.

— Но куда бежать? — прошептала Бумага, её голос дрожал. — Здесь везде металл, острые края, машины...

— Туда, где темно, — ответил Пластик, указывая на лабиринт контейнеров в глубине свалки. — Туда, где огни не достанут.

Стекло кивнул, его поверхность отразила последний луч

перед тем, как погрузиться в тень.

— Я буду смотреть вперёд, — сказал он. — Я увижу, если что-то появится.

Консервная банка шагнула вперёд, её бок глухо звякнул.

— А я пойду сзади. Если что-то попытается схватить нас — пусть сначала попробует со мной справиться.

И они двинулись. Не просто побежали — они рванулись вперёд, каждый по-своему: Пластик скользил между острыми краями, изгибаясь, как змея; Бумага летела низко, почти касаясь земли, чтобы не порваться на ветру; Стекло старался не дрожать, чтобы не разбиться от собственной тряски; а Консервная банка шла твёрдо, её шаги отдавались глухим эхом, будто отбивая ритм их спасения.

Погрузчики уже въезжали на территорию, их огромные ковши поднимались и опускались, загребая горы отходов. Металл скрежетал о металл, пластик хрустел под колёсами, картон рассыпался в пыль. Воздух наполнился запахом гари, ржавчины и чего-то безнадёжного.

Герои мчались по узким проходам, уворачиваясь от падающих ящиков, перепрыгивая через острые обломки. Пластик сплёлся в тугую петлю, чтобы подтянуть Бумагу через особенно опасный участок. Стекло, рискуя, отразил свет фар погрузчика, ослепив водителя на секунду — этого хватило, чтобы команда нырнула в тень. Консервная банка приняла на себя удар сорвавшейся цепи, её бок вмялся ещё сильнее, но она не остановилась.

— Не останавливаться! — крикнула она, и её голос прозвенел, как боевой клич. — Мы вместе!

Они бежали, и с каждым шагом их страх превращался в ярость, в желание выжить, в веру в то, что даже самые простые вещи могут быть героями.

Когда они наконец нырнули в тёмный проём между контейнерами и замерли, тяжело «дыша» — Пластик пульсировал, Бумага вздрагивала, Стекло тускло мерцал, а Консервная банка тихо звенела от напряжения, — они поняли: сейчас они не просто отходы. Они — команда. И пока они держатся вместе, никакая утилизация не сможет их победить.

Над свалкой снова прокатился гудок, длинный и холодный. Но теперь он звучал не как приговор — а как вызов. И Пластик, посмотрев на своих друзей в полумраке, тихо, но твёрдо произнёс:

— Мы найдём выход. Обещаю.

Атмосфера накалялась, как перед бурей. Впереди ждала неизвестность, но теперь у них было главное — они были не одни.

Глава 2. «Бегство по лабиринту контейнеров»

Лабиринт из ржавых контейнеров нависал над героями, словно гигантские стальные стены древнего города-крепости — мрачного, забытого, полного ловушек. Каждый поворот таил угрозу: то свисающая цепь звякала, будто предупреждая о беде, то из темноты выглядывал острый край, гото-

вый распороть даже самый прочный бок. А над всем этим висел тяжёлый, металлический запах — запах конца, запах утилизации, который проникал в каждую щель и заставлял сердце биться чаще.

Погрузчики рычали где-то совсем близко. Их фары металась по стенам, выхватывая из темноты то ржавое ребро контейнера, то груды смятого картона, то тень, которая на секунду казалась живой. Эти лучи были как глаза хищников — холодные, безжалостные, ищущие.

— Держитесь ближе ко мне! — крикнул Пластик, его гибкая форма уже вытягивалась в тонкую ленту, проскальзывая в узкую щель между двумя контейнерами. Металл царапал его бока, но он не останавливался — он знал, что если застрянет хоть на миг, то всё будет кончено.

Бумага, прижавшись к земле, летела следом, её края развевались, как крылья испуганной птицы. Она шептала, почти беззвучно, но так, чтобы слышали все:

— На три шага вперёд — осторожно, там яма! Слева — цепь, она качается! Держитесь правее!

Её голос был тихим, но в нём звучала сила: она видела то, что не замечали другие, — мелкие детали, которые могли стоить жизни.

Стекло двигался осторожно, но стремительно. Он не мог позволить себе ни одного резкого движения — одно неверное касание, и он рассыплется на осколки. Но именно его прозрачность и способность отражать свет стали их главным

оружием. В тот момент, когда из-за угла вынырнула механическая лапа погрузчика, Стекло резко повернулся, поймав луч фары и отразив его прямо в сенсор машины. Слеплённый механизм дёрнулся, замер на секунду — и этого хватило, чтобы команда проскочила мимо.

— Отлично сработано! — выдохнул Пластик, снова принимая форму, похожую на человеческую, чтобы удобнее было бежать.

Консервная банка шла последней, прикрывая тылы. Её бок уже покрылся новыми вмятинами, но она не жаловалась. Когда сверху сорвался тяжёлый ящик, она рванулась вперёд и подставила себя, приняв удар всей массой. Металл загудел, как колокол, и банка чуть не упала, но устояла.

— Я в порядке! — рявкнула она, её голос звенел от напряжения. — Бегите! Я догоню!

И они бежали. Лабиринт будто жил своей жизнью: контейнеры сдвигались от вибраций, коробки падали, словно нарочно перекрывая путь, а где-то впереди уже слышался скрежет дробилки — холодный, беспощадный звук, который обещал конец всему.

Вдруг путь преградила стена из картонных коробок, сложенных в высокую, шаткую башню. Пластик замер, оценивая ситуацию.

— Нам нужно пройти сквозь неё, — сказал он. — Но если мы просто врежемся, всё обрушится и нас завалит.

Бумага быстро пробежала взглядом по стыкам коробок.

— Здесь есть слабое место, — прошептала она. — Если мы ударим одновременно, но не в центр, а по углам...

— Я понял! — Пластик мгновенно сплёлся в тугую пружину. — На счёт три: раз... два...

Стекло занял позицию, готовый отразить любой свет, если появятся новые машины. Консервная банка встала рядом, готовая принять любой удар.

— Три!

Пластик выстрелил вперёд, как стрела, ударив в точку, которую указала Бумага. Коробки треснули, разошлись в стороны, открывая узкий проход. Команда нырнула внутрь, едва успевая проскочить, прежде чем вся конструкция рухнула с оглушительным грохотом.

Они выскочили на небольшую площадку, окружённую контейнерами. Здесь было чуть тише, но не спокойнее — воздух дрожал от вибраций, а вдалеке уже виднелся выход из лабиринта... и перед ним стоял огромный погрузчик, перекрывая единственный путь.

Герои замерли.

— Это ловушка, — тихо произнёс Стекло, его поверхность отражала холодные огни машины. — Они загнали нас сюда.

Пластик посмотрел на своих друзей. В его гибкой форме мелькнуло что-то новое — не страх, а решимость.

— Тогда мы сделаем то, чего они не ждут, — сказал он. — Мы не будем убегать. Мы будем действовать.

Консервная банка выпрямилась, её вмятины казались теперь не следами поражений, а боевыми шрамами.

— Я отвлеку его, — заявила она. — Буду шуметь, стучать, злить. Пока он будет занят мной, вы проскочите.

— Нет! — воскликнула Бумага. — Мы не бросим тебя!

— Мы и не бросим, — спокойно ответил Пластик. — Мы сделаем это вместе.

Стекло кивнул.

— У меня есть идея.

Он быстро объяснил план. Пластик сплёлся в длинную, прочную ленту, Бумага свернулась в плотный рулон, чтобы не порваться, Консервная банка заняла позицию у края площадки.

Когда погрузчик начал медленно двигаться вперёд, Консервная банка шагнула навстречу и изо всех сил ударила по земле. Звук получился оглушительным — звонкий, резкий, он эхом разнёсся по лабиринту. Машина замерла, её сенсоры повернулись к источнику шума.

В этот момент Пластик метнулся вперёд, оббивая одну из опор погрузчика. Бумага, раскрутившись, как снаряд, пролетела над кабиной, цепляясь за провода и дёргая их. Стекло, используя свою прозрачность, скользнул под гусеницы, отражая свет так, что датчики машины начали сбоить.

Погрузчик дёрнулся, загудел, его системы запутались в противоречивых сигналах. Он покачнулся, сделал шаг назад — и в этот момент команда рванулась вперёд, проскакивая

под его поднятым ковшом.

Они выбежали из лабиринта, оказавшись на открытой площадке. Впереди виднелся тёмный проход, ведущий вглубь завода, — туда, где свет почти не проникал, где можно было спрятаться, перевести дух... и придумать новый план.

Но самое главное — они поняли нечто важное. Их различия, которые раньше казались просто особенностями, теперь стали их силой: гибкость Пластика, чуткость Бумаги, острое зрение и хитрость Стекла, прочность и храбрость Консервной банки. Вместе они были не просто отходами. Они были командой.

Тяжело «дыша», они остановились на краю темноты. Пластик посмотрел на друзей, и в его форме мелькнула улыбка.

— Мы сделали это, — прошептал он. — Вместе.

Консервная банка тихо звякнула, будто смеясь.

— А впереди ещё столько всего, — сказала она. — Так что отдыхаем пять секунд. И снова в бой.

Атмосфера была накалённой до предела: резкие тени металась по стенам, огни погрузчиков всё ещё рыскали в поисках беглецов, скрежет металла напоминал, что опасность никуда не исчезла. Но теперь в воздухе витало не только напряжение — в нём чувствовалась новая сила. Сила единства.

Глава 3. «Оазис тишины среди грохота»

Грохот завода не стихал ни на секунду: где-то вдали ревели моторы, лязгали цепи, скрежетали металлические че-

люсти дробилок, будто сам мир хотел стереть с лица земли всё лишнее, всё забытое. Но в одном укромном уголке, спрятанном за стеной из старых ящиков и прикрытом сверху проржавевшим листом железа, царила странная, почти нерепальная тишина. Сюда не долетали яркие лучи прожекторов, и свет пробивался лишь тонкими, дрожащими полосками сквозь щели — как золотые нити, сшивающие этот крошечный островок покоя с остальным миром.

Именно сюда, едва переставляя свои «ноги» (если у них вообще могли быть ноги), вползли, вкатились, вжались в тень Пластик, Бумага, Стекло и Консервная банка. Каждый из них нёс на себе следы погони: на Пластике темнели царапины, Бумага потеряла пару слоёв, Стекло едва заметно дрожал от напряжения, а Консервная банка звенела тихо и устало — будто её звон уже не был вызовом, а лишь эхом былой храбрости.

Они замерли, прислушиваясь не к заводу, а друг к другу. Сначала никто не решался заговорить. Тишина казалась слишком хрупкой — казалось, любое слово может её разбить. Пластик осторожно расправил свои изгибы, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Бумага тихо шелестела, словно пыталась успокоить саму себя. Стекло ловил тонкие полоски света и мягко рассеивал их по углам, делая темноту не такой пугающей. А Консервная банка просто стояла, прикрывая собой самый тёмный проход, — привычка быть щитом не исчезала даже здесь.

— Здесь... тихо, — наконец прошептала Бумага, и её голос прозвучал непривычно громко в этой тишине. — Как будто мы в другом мире.

Пластик медленно кивнул, его гибкая форма чуть подрагивала.

— Да. Как будто завод забыл про это место. Или не смог до него дотянуться.

Стекло тихо вздохнул — звук получился как лёгкий звон хрусталя.

— Иногда тишина страшнее грохота, — признался он. — Когда не слышно врага, ты не знаешь, откуда ждать удара.

Консервная банка чуть наклонилась вперёд, её бок глухо звякнул.

— Но сейчас пусть будет тихо, — сказала она твёрдо, но не громко. — Мы заслужили пять минут, чтобы просто... быть.

И в этот момент что-то внутри них сдвинулось. Не металл, не пластик, не волокна — а что-то гораздо более тонкое, невидимое, но очень настоящее.

Бумага, словно поддавшись внезапному порыву, тихо заговорила:

— Знаете, я помню руки. Настоящие, тёплые. Не те, что хватали и бросали в пакет, а те, что бережно держали. На мне писали письмо — длинное, с завитушками. Его читали вслух, и кто-то смеялся, кто-то плакал. Я чувствовала каждое слово, будто оно было моим. И тогда я не была мусором. Я была важной.

Её голос дрогнул, но она не остановилась.

— А потом письмо положили в коробку, коробку — в шкаф, шкаф — на чердак... и однажды просто вынесли вместе со всем остальным. Но я всё ещё помню эти руки.

Пластик слушал, и в его гибкой форме что-то менялось — он словно становился мягче, человечнее.

— Я помню дом, — тихо сказал он. — Не просто стены, а место, где меня ценили. Я был чашкой, из которой каждое утро пили чай. Хозяин любил эту чашку. Он держал её аккуратно, поворачивал так, чтобы видеть узор. А потом я треснул — совсем чуть-чуть. И меня заменили. Не потому что я стал хуже, а потому что есть новый, целый. Но те утра... я их помню.

Стекло опустил свои грани, и в них отразилось не заводское железо, а что-то далёкое и светлое.

— Я был окном, — прошептал он. — В комнате, где девочка училась рисовать. Она смотрела сквозь меня на дождь и говорила: «Смотри, как красиво!» А я... я старался быть чистым, чтобы она видела всё до последней капли. Потом в меня ударила ветка, и меня вынули. Но я до сих пор чувствую тот дождь.

Консервная банка долго молчала. И когда она наконец заговорила, её голос звучал глухо, но твёрдо:

— Я была банкой из-под тушёнки. Простой, без украшений. Но её брали в походы. Её грели на костре, открывали дрожащими от холода руками, делили содержимое на четвер-

рых. И каждый раз, когда её ставили на землю, кто-нибудь говорил: «Хорошая банка. Надежная». И я верила в это. А потом... потом просто оказалась в мешке. Но я не жалею, что была нужной. Даже если ненадолго.

В оазисе стало совсем тихо. Но теперь эта тишина не пугала. Она была наполнена.

Пластик посмотрел на друзей и вдруг улыбнулся — не той улыбкой, что прячет страх, а настоящей, тёплой.

— Получается, мы все были кому-то нужны, — тихо сказал он. — Даже если это длилось недолго.

Бумага потянулась к нему, её край коснулся его поверхности — лёгкое, почти невесомое прикосновение.

— И мы нужны друг другу сейчас, — прошептала она.

Стекло поймал полоску света и направил её так, что она легла на всех четверых — как мягкое одеяло.

— Мы разные, — сказал он. — Но именно поэтому мы смогли выжить.

Консервная банка тихо звякнула — на этот раз не от удара, а от чувства, которое трудно назвать словами.

— Значит, будем держаться вместе, — сказала она. — Не только чтобы выжить. А чтобы помнить, что мы не просто отходы. Мы — история. И пока мы помним, нас нельзя стереть.

За пределами их оазиса завод продолжал грохотать, давить, перемалывать. Но здесь, в этом укромном уголке, среди приглушённых цветов и мягкого света, рождалась настоя-

шая дружба — крепкая, как сталь, гибкая, как пластик, прозрачная, как стекло, и надёжная, как старая банка.

Пластик протянул свою гибкую ленту, и каждый положил на неё то, чем мог: Бумага — тонкий слой, Стекло — лёгкий блик, Консервная банка — тихий звон. Это был не клятва, не обещание, а простое признание: мы здесь. Мы вместе.

И когда где-то совсем близко снова прокатился тяжёлый гул — будто сама утилизация напоминала о себе, — они не вздрогнули. Они посмотрели друг на друга, и в их взглядах не было паники. Только решимость.

— Пять минут тишины прошли, — спокойно сказал Пластик. — Пора идти дальше.

— Куда? — спросила Бумага, но уже без страха.

— Туда, где мы сможем что-то изменить, — ответил Стекло.

— Или хотя бы не дать себя сломать, — добавила Консервная банка, выпрямляясь.

И они двинулись вперёд — не как испуганные беглецы, а как команда, у которой теперь было не только желание выжить, но и цель.

Атмосфера оазиса осталась с ними: приглушённые цвета, мягкий свет, ощущение хрупкого покоя, который они теперь носили внутри. И пусть впереди снова ждали грохот и опасность — теперь они знали: даже в самом шумном мире можно найти тишину. И даже в самой безнадёжной судьбе можно найти смысл.

Глава 4. «Встреча с Хранителем старых вещей»

Они шли по узкой тропе между горами забытых вещей — здесь старые зонты напоминали скелеты птиц, сломанные игрушки смотрели пустыми глазами, а обрывки тканей свисали, как выцветшие флаги давно проигранных битв. Воздух был густым от пыли и времени: казалось, каждый вдох приносит с собой чьи-то забытые мечты и несбывшиеся планы. Полумрак сгущался, будто сам завод прятал это место от чужих взглядов, и лишь редкие лучи, пробивавшиеся сквозь щели в перекрытиях, выхватывали из темноты отдельные детали: потёртый ботинок, треснувшую чашку, старую фотографию, наполовину съеденную плесенью.

Вдруг Пластик замер, подняв свои гибкие края, словно прислушиваясь не к звукам, а к самой тишине.

— Стойте, — прошептал он. — Здесь... что-то есть. Не машина. Не угроза. Что-то... другое.

Бумага прижалась к земле, её тонкие волокна дрогнули, улавливая малейшие вибрации.

— Я чувствую... не шаги, — тихо сказала она. — А тяжесть. Как будто здесь живёт что-то очень старое. И очень уставшее.

Стекло осторожно повернул свои грани, ловя свет, и вдруг замер.

— Там, — прошептал он, указывая бликом в тёмный проём между ящиками. — В углу. Что-то сидит.

Консервная банка шагнула вперёд, прикрывая остальных. Её бок глухо звякнул, будто она проверяла, осталась ли в ней сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.